
**ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОГО ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД
СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

Г.Г. Корноухова

Е.С. Луковкина

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

В статье решается вопрос о правомерности существования бытующего в китайской историографии положения о национальной специфичности китайского феминизма. Наложение выявленных особенностей китайского женского движения (при сопоставлении с западноевропейским феминизмом) на матрицу с перечнем особенностей женского движения в Советской России 1920-х гг. и эпохи сталинизма привело к совпадению выявленного контента. Полученный результат переводит «уникальное» в категорию «общего», характерного для гендерной истории двух социалистических государств рассмотренного периода.

Ключевые слова: женское движение, женская история, женские исследования, китайский феминизм, гендерный статус, китайская историография, КНР.

В современную эпоху, несмотря на активизацию средств массовой информации, расширяющиеся научные, профессиональные, бытовые связи с западными странами, Китай по-прежнему остается малоизученной и недостаточно хорошо понимаемой европейцами страной. В истории Китая до сих пор наблюдаются заметные лакуны, ждущие своего заполнения. Причина сложившегося положения, очевидно, связана с идеологическим контролем, сдерживавшим долгие десятилетия активность исследователей в проработке «неудобных» или малозначащих с точки зрения власти вопросов. Политика открытости обусловила значительные перемены в научно-исследовательской жизни КНР. Так называемая «академическая глобализация» привела к восприятию исследователями «западных теорий». Следствием этого стало появление в рамках социальной истории нового направления в исследованиях – «женская история», «женские исследования» (1).

Отечественные авторы отмечают рост устойчивого интереса китайских исследователей к исторической феминологии, но одновременно указывают на определенную односторонность выводов научных работ китайских коллег, лишаемых тем самым необходимой научной объективности (2). Подоб-

ная ситуация порождает актуальность параллельного обращения российских авторов к изучению различных вопросов гендерной истории китайского общества.

В частности, в китайской историографии активно звучит рефрен о национальной специфике женского движения в Китае при сопоставлении его с соответствующими процессами в Европе. Это положение присутствует также в работах китайских исследователей, публикующихся в отечественных изданиях, где в частности указывается: «Развитие китайского женского движения несет исключительно китайские особенности и проходит по другому пути, чем западный феминизм» (3). В этом смысле для выяснения степени справедливости утверждения китайских исследователей целесообразным становится сопоставление истории развития «женского движения» Китая и России, страны, также претендующей на свою отличность.

Что касается положения женщин в Китае, то здесь они находились в еще более угнетенном состоянии, чем в дореволюционной России.

Образ жизни, который вынуждена была вести каждая китаянка, имел затворнический характер и был строго изолирован от мужчин: женщины не имели права показываться на глаза никому из них, за исключением своего отца. Даже братьям не всегда разрешалось видеться с сестрами, зачастую семейные трапезы происходили раздельно по половому принципу. Женщина оставалась абсолютно бесправным существом и была лишена даже возможности самостоятельно решать вопрос о собственном внешнем виде. Все, вплоть до мелочей, за китаянку решал в юные годы отец, а затем муж и свекор (4).

Положение работающих китаянок оставалось также весьма трагичным. Условия их труда были крайне тяжелыми: женщины работали днями и ночами зачастую без перерыва, получали в день так мало, что порой не хватало даже на еду. В то же время на предприятии кормили очень скудно, выдавая за весь день лишь небольшую чашечку риса. Отгулы работодателем не были предусмотрены, и получить хотя бы один свободный день было невозможно. Очень часто за отработанные часы могли не заплатить, также существовало злоупотребление в практике взимания штрафов (5).

Между тем объединения китайских женщин для начала сознательной борьбы за свои права не происходило, в то время как в Европе женщины уже активно принимали участие в прогрессивных общественных движениях первой половины XIX столетия (чартизм, борьба за отмену хлебных законов и ограничение продажи спиртных напитков). В 40–50-х гг. XIX в. поднялось общественно-политическое движение женщин за уравнивание в политических правах с мужчинами, предоставление женщинам избирательных прав (6).

Формирование и развитие российского женского движения происходило практически одновременно с аналогичными процессами в большинстве западных стран во второй половине XIX в.

В современной китайской историографии рождение женского движения связывают только с началом второго десятилетия XX столетия. Сигнальной

точкой отсчета указывается при этом «Движение четвертого мая», или «Реформы четвертого мая во имя новой культуры и обновления народа», начавшиеся с 4 мая по начало июня 1919 г. (7). Это массовое движение имело антияпонскую направленность и одновременно возникло под влиянием Октябрьской социалистической революции в России. Китайские исследователи связывают начало распространения идеи женского движения с проникновением марксистской идеологии в страну (8).

Со времени Синьхайской революции 1911 г. и основания Китайской республики 1 января 1912 г. партия Гоминдана являлась политической силой, за которой исследователи признают возникновение внимания к женской части общества с точки зрения ее мобилизации в своих интересах.

Признавая гендерный фактор в вопросе укрепления своего политического режима, ГНД приступил к созданию специальных женских организаций: «Союз женщин», «Новые женщины» и пр. (9)

Также партия организовала работу ряда газет, в которых содержались призывы к установлению равноправия мужчин и женщин в обществе, введению для женской части населения обязательного образования и права голоса, улучшения условий труда китаянок (10). Это такие издания, как «Газета молодых женщин», «Женская газета», «Ежедневная газета женщин-патриотов», «Молодые годы: женские вопросы», «Женские и семейные вопросы», «Труд и женщины», «Газета женского движения освобождения».

Показательным при анализе статей этих газет является периодическое обращение к положению женщин в России. Например, в еженедельном выпуске «Народной газеты» от 12–28 апреля 1920 г. появилась большая статья, посвященная женскому деревенскому труду в России, а чуть позже – успехам Октябрьской революции и получению прав русскими женщинами на участие в выборах и избрание, на восьмичасовой день и одинаковые с мужчинами условия труда (11). Весной 1922 г. в «Народной газете» вышла статья под названием «История женского движения за получение прав», посвященная Октябрьской социалистической революции и обретению российскими женщинами политических прав и свобод (12). 2 января 1924 г. в «Женской газете» была опубликована статья «Новые вехи в китайском женском движении». Она содержала сравнительный анализ процесса получения прав и свобод в России и США, в которой автор призывал идти по пути «коренного освобождения женщин», используя только положительный опыт обеих стран (13).

Анализ статей показал, что, как и в Советской России, в китайской прессе освещались злободневные проблемы женской жизни, связанные с семейно-брачными отношениями, доступа женщин к получению образования, достойной профессии.

Вместе с тем данные гендерно ориентированные газеты имели охранительный характер: в них категорически запрещалась малейшая критика существовавшей власти, а ссылки в статьях на партийных деятелей и цитиро-

вание их высказываний по злободневным женским вопросам, наоборот, приветствовались (14).

Анализ материала по развитию женского движения в Китае в 1920-е гг. дает возможность прийти к выводу, что политические процессы в стране привели к действительному оживлению женской активности. Ряд представительниц женского пола покинули закрытую территорию своей женской части дома и включились в общественную жизнь. Этот процесс совпал с заинтересованностью правительства в росте социальной активности женщин, что привело к содействию в вопросе институализации их деятельности. В результате появились женские организации, участницы которых настойчиво выдвигали требования, касавшиеся получения официального права доступа к бесплатному образованию наравне с мужчинами и права «самим выбирать жизненный путь»: за кого выходить замуж, сколько рожать детей, что надевать, как себя вести и пр. (15).

Между тем исследователи отмечают, что пробуждение сознательности китайских женщин происходило в период острейшего кризиса, который переживала страна в первые десятилетия XX в., поэтому и для правительства, которое поддерживало женское движение, и для самих его участниц собственно женский вопрос не являлся первостепенным. Его решение рассматривалось как способ преодоления других общенациональных проблем. Китайские исследователи отмечают: «Почти все коллективные женские выступления были тесно связаны с “нависшей над Китаем угрозой”, с “судьбой страны” ... Женские объединения, созданные в первой половине XX в., имели, по сути, националистическую окраску и характер. И хотя назывались они “женскими” организациями, и женщины действительно создавали их и входили в их состав, но целью создания почти всегда была борьба за сохранение целостности и национального самосознания, за развитие и процветания Китая, в самой их основе отсутствовало стремление к феминистическим идеалам» (16).

Особенно эта специфическая черта китайского женского движения проявилась в годы противостояния Китая японской агрессии. Ее начало привело к появлению с 1931 г. новой темы на страницах женских изданий – участия китаянок в борьбе против противника. Газетные и журнальные статьи этого периода отмечали «патриотический подъем ввиду наступления противника». Все прочие аспекты женской жизни практически полностью ушли со страниц печати, уступив место успешной работе женщин в тылу, их службе в армии, борьбе наравне с мужчинами против японских милитаристов (17).

Правительство вновь успешно использовало активность женщин для достижения общегосударственных задач, в то время как собственно женские проблемы оставались нерешенными. Согласно воспоминаниям современницы военного периода, гендерный статус женщины внутри ее собственной семьи оставался по-прежнему крайне низким, а на отчаянную борьбу с противником китаянок толкала не столько потребность защитить от внешних сил «счастье»

мирной жизни, сколько страх попасть в еще более тяжелые условия существования в случае победы врага – из рабства у китайских мужчин в рабство к японским мужчинам.

Кан Кэ Цин пишет в своих поздних мемуарах: «Мы, женщины, подчинялись не только на работе, но и в семье. Мы не имели права голоса нигде. У нас не было собственности, своего дома, своей земли. Часто нас продавали как дешевую или вовсе бесплатную рабочую силу в богатые семьи. В годы войны с японцами мы имели право бежать и скрываться от врагов только с разрешения отцов. Мы боялись быть поработенными японскими мужчинами» (18).

Указанную подчиненность женского вопросу решению общенациональных проблем Китая в китайской историографии выделяют в качестве одной из специфических черт китайского женского движения, отличного от западноевропейского феминизма (19).

Вместе с тем сходная ситуация складывалась и в советской России, где женщины также довольно активно вступали в опекавшиеся государством женкомиссии и женотделы. В стране активно издавалась женская коммунистическая пресса, – журналы «Коммунистка» (с 1920 г.), «Крестьянка» (с 1922 г.), «Делегатка» (с 1923 г.) и пр., на страницах которых публиковались статьи о необходимости покончить с бытовым рабством женщин.

Активной поборницей интересов женщин выступала первый в истории социалистической России народный комиссар по государственному призрению А.М. Коллонтай. Она призывала совершить «революцию быта», реорганизовав его на новых коллективных началах: перенести процесс питания в общественные столовые, стирку – в прачечные, воспитание детей должно было стать заботой государства и осуществляться в детских садах и школах (20).

Между тем освобождение женщины при осуществлении политики социализации быта являлось вовсе не целью, а лишь задачей, с помощью решения которой как раз и предполагалось достигнуть главного – включить женскую часть населения в общественно-производственный процесс.

Об утилитарном отношении к решению «женского вопроса» свидетельствуют высказывания самой А.М. Коллонтай: «...необходимо спасти женщин от непродуктивной траты энергии, которая может быть эффективно использована в интересах коллектива. Необходимо защитить их здоровье, чтобы гарантировать трудовой республике приток здоровых рабочих в будущем» (21).

Таким образом, так же как и в случае с китайским женским движением, решение женского вопроса в советской России демонстрировало тесную связь с «судьбой страны» и имело подчиненный характер, а не являлось самоцелью деятельности женских организаций.

Образование КНР стало поворотным рубежом в истории Китая XX столетия и привело к очередным изменениям в гендерной сфере.

В китайской историографии первое десятилетие существования республики оценивается как время окончательного освобождения женщины и наделения ее всеми гражданскими правами. Действительно, уже впервые годы своего утверждения правительство КНР приступило к активной разработке законов в сфере женского вопроса. Так, 1 мая 1950 г. был обнародован «Закон о женитьбе Китайской Народной Республики». Он гласил: «...осуществить свободу действий женщинам и мужчинам, обеспечить равноправие в обществе и в семье по принципу – один муж, одна жена – защищать честь и интересы женщин в новом общественном строе» (22). За этим законом последовали другие, касавшиеся закрепления за женщиной земельного надела, «Женский закон», провозглашавший равноправие полов в семье, отдельно оговаривались и узаконивались права избирать и быть избранными в органы местной и государственной власти и пр. (23).

Таким образом, очевидным является серьезное повышение гендерного статуса женщины в Китае. Вместе с тем, на наш взгляд, интересы женщины как социальной группы по-прежнему не учитывались, и решение женского вопроса по-прежнему продолжало подчиняться логике интересов партии.

Как и правительство Гоминдана, КПК инициировала издание женской периодической печати. Более того: число печатных изданий, посвященных женскому вопросу, увеличилось почти в два раза. Газеты «Женщины вне войны», «Освободительная газета», «Женский труд», «Обновление женского общества», «Гуандунские женщины», «Чжецзянские женщины», «Женский вестник», «Новые женщины» несли в массы лозунги о «свободе, самоутверждении, равноправии» женщин (24).

Между тем партия вновь, как в свое время Гоминдан, рассматривала решение женского вопроса в качестве инструмента для реализации собственных задач. На этот раз речь шла о мобилизации женских масс для социально-экономического строительства в условиях проведения политики «Большого скачка». Показательными в этом смысле являются слова самого Мао Цзэдуна: «Китайские женщины – это неисчерпаемый источник, работающий во благо строительства нового китайского общества в рамках грядущих великих изменений» (25); «Новые китайские женщины должны идти в ногу с новым китайским народом, они должны много работать и трудиться над созданием нового Китая. Чтобы сполна выполнить эту задачу, необходимо опираться на женский труд, по возможности присоединиться к группам и союзам трудящихся женщин, уважать и с пользой использовать их знания и умения. Женщины должны быть образованными и здоровыми, только так они смогут помочь осуществить великие задачи» (26).

В современной китайской историографии связывают повышение женского статуса на юридическом уровне с непосредственной активностью самих китайок. Китайские исследователи указывают на то, что Вторая мировая война привела к повышению социальной роли китайок, и это повлияло также на возрастание активности феминисток, все настойчивей требовавших

право голоса, организаций, запрета мужчинам на пренебрежительное отношение к женщинам (27). Вместе с тем ключевая роль в решении женского вопроса отводится председателю компартии – Мао Цзэду. В современной китайской энциклопедии «История китайского гендера. Столетнее исследование» написано, что в основе женского освободительного движения в Китае конца 1940-х – начала 1950-х гг. лежала сложная, но четко сформулированная теория, авторство которой принадлежало Мао Цзэду (28). Научные публикации, посвященные феминологии, также традиционно изобилуют цитатами из высказываний Мао Цзэду с целью высветить судьбоносную роль председателя компартии в повышении гендерного статуса китайской женщины.

Таким образом, в качестве очередной отличительной особенности женского движения в КНР от западноевропейского китайские исследователи отмечают факт сотрудничества правительства и женских активисток, в то время как движение западных феминисток происходило в ситуации постоянной конфронтации с политическими силами европейских государств.

В частности, утверждение о партнерском характере отношений между китайскими феминистками и КПК в качестве примера можно привести из работы Ли Чженьчи, в которой она касается деятельности Женского союза, созданного по инициативе самой партии и лично Мао Цзэду в 1949 г. (29), и утверждает, что все действия в направлении решения женского вопроса «выполнялись государством и Женским союзом, то есть в паре». При этом автор намеренно подчеркивает полную независимость и самого Женского союза, и входивших в нее организаций от контроля со стороны КПК: «Женский союз – это не партия и даже не экономическая или культурная организация, это группа, отражавшая интересы женского населения страны. Это не правительственная организация ... Все женские организации оставались самостоятельными и действовали на местах как представители Женского союза в столице КНР» (30).

Между тем, на наш взгляд, в реальности речь шла более не о «партнерстве» женских организаций и партии, а о монополизации решения женского вопроса последней. Даже если признать положение китайской историографии о невключенности Женского союза и подотчетных ей организаций в партийную структуру, печатный материал того времени свидетельствует о существовании такой идеологической атмосферы, при которой члены женских организаций неизбежно должны были решать именно партийные задачи. Показательным в этой связи является отрывок одной из статей, опубликованных в газете «Новые китайские женщины» – своеобразной должностной инструкции члена женской организации: «...она призвана помогать народу ... понимать ... цель женского освободительного движения в Китае, основанного на марксистско-ленинской теории; ...помогать народу уяснить задачи и суть преобразований...» (31).

Внимание в этом отрывке привлекает то, что в газете сами китайские женщины рассматриваются не как активные субъекты социального действия, способные быть инициаторами конкретных идей по решению собственных проблем, а как пассивные объекты, которым предписывается правильно понимать «задачи и суть преобразований» в женском вопросе. Здесь явной является разобщенность между решением женского вопроса и самими женщинами. Очевидно, что инициатива в этой сфере принадлежала не им, а партии, использовавшей женские организации в качестве приводных ремней для реализации своей собственной программы.

Сами китайские женщины также связывали положительные изменения в своей жизни не с собственной активностью, а исключительно с именем председателя компартии. В женских политических газетах-вестниках читательницы имели возможность публиковать собственные статьи и заметки. Наибольшая их часть состояла из хвалебных речей и слов благодарности в адрес «спасителя» Мао Цзэдуна. Приведем в качестве примера некоторые строки: «Наш любимый Председатель Мао Цзэдун, глава и сердце великих изменений, наше Солнце! Мы горячо любим и благодарим нашего Председателя! Под его руководством мы приобрели новые возможности! Великий Мастер! Слава Мао Цзэдуну!» (32).

В европейском контексте китайское «женское движение», действительно, можно рассматривать как явление специфическое, поскольку, согласно определению, в европейском понимании женское движение – «это совокупность многих женских организаций с фиксированным и нефиксированным членством, которые активно действуют в обществе с целью удовлетворения интересов различных социальных слоев женщин, а также корректировки государственной политики для достижения гендерного равенства в различных сферах общественной жизни» (33).

В китайской практике женские организации имели своей действительной целью не удовлетворение интересов женщин, ибо права женщин даровались партией и лично ее председателем Мао Цзэдуном, а были структурами, поддерживавшими новый гендерный порядок, который регулировал отношения между государством, гражданами и гражданками. С точки зрения отечественных исследователей, подобная модель являлась характерной для советской гендерной политики 1920-х гг. и периода сталинизма (34).

Для женского движения в КНР и СССР одинаковым было превращение его в инструмент власти для подчинения женской инициативы государственным задачам. Спецификой китайского варианта «женского движения» является отсутствие в нем самой женщины как самостоятельного субъекта социальных действий. Это существенно отличает женское движение в КНР от истории западного феминизма, однако не может считаться уникальным при учете особенностей женского движения в советской России.

Очевидно, что современная китайская историография продолжает занимать консервативные позиции, демонстрируя устойчивую традицию, начав-

шую складываться с середины XX столетия и связанную с возвеличиванием дел Председателя КНР Мао Цзэдуна. В настоящее время в Китае наблюдается определенное возрождение культа легендарного вождя: опрос, проведенный газетой «Хуаньцю шибао» в минувшем году, показал, что 85% китайцев считают, что заслуг у Мао Цзэдуна больше, чем ошибок и промахов, а 90% респондентов высказали свое почтение «великому кормчему» (35).

Секрет возрождения маоизма кроется в тех сбоях, которые продемонстрировала модель Дэн Сяопина, функционировавшая в Китае более 30 лет и давшая своим результатом помимо беспрецедентных экономических успехов также увеличивающееся экономическое расслоение, коррупцию и перерождение правящей партии в режим «красных капиталистов». Эти отрицательные побочные явления повлияли на доверие к партии, авторитет которой и должна была возродить фигура такой сильной личности, как Мао Цзэдун. Ряд внутрипартийных фракций стал использовать маоистскую риторику задолго до предстоящих выборов в ЦК партии весной 2012 г. По их результатам и по итогам прошедшего 14 марта 2013 г. голосования на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей 12-го созыва новым лидером КНР стал Си Цзиньпин, который в свою очередь сделал множество заявлений в духе классического социализма.

Китайская историческая наука в этом смысле является лакмусовой бумажкой происходящих в стране изменений в политико-идеологической сфере, и распространенное в обществе представление об исключительности личности Мао Цзэдуна автоматически переносится на все исторические явления, тем или иным образом связанные с его именем. Свое объяснение в этом ключе получает и бытующее положение в современной китайской историографии о национальной специфичности китайского феминизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Сарина Г.В. Особенности женских исследований в Китае // Вестник Амурского государственного университета – 2009. – Вып. 46. – С. 60.
- (2) См. об этом подробнее: Синецкая Э.А. О национальных особенностях китайского феминизма // Синология. Ру // http://www.synologia.ru/a/O_национальных_особенностях_китайского_феминизма.
- (3) Хань Юйфэн. Статус и роль женщины в изобразительном искусстве Китая // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – М., 2008. – № 85. – С. 130.
- (4) Си Лица. Zhongguo nvshu. 19 shiji (Секретный шифр китайских женщин. XIX век). – Шанхай, 2010. – С. 31.
- (5) Zhongguo funv yundong wenxuan .1938 нень – 1987 нень (Избранные статьи по истории освобождения женщин в Китае. 1938–1987 гг.). – Пекин, 1988. – С. 10.
- (6) Пушкарева Н.Л. Женское движение и феминизм в России 1812–2000 // Женское движение: вчера, сегодня, завтра / Отв. ред. Г.М. Михалева. – М., 2010. – С. 153–172.

- (7) Guojia, zuzhi funv: funv jiefang: zhongguo funv jiefang de yunzuo jizhi yanjiu (Государство, организации и женщины: исследования новой системы, возникшей в результате женского движения). – Шанхай, 2012. – С. 59.
- (8) Движение «4 мая» 1919 года в Китае. – М., 1971. – С. 24.
- (9) Zhongguo funv yundong: bainian jianshi (История китайского гендера. Столетнее исследование). – Пекин, 2011. – С. 14–17.
- (10) Guojia, zuzhi funv: funv jiefang: zhongguo funv jiefang de yunzuo jizhi yanjiu (Государство, организации и женщины: исследования новой системы, возникшей в результате женского движения). – Шанхай, 2012. – С. 62.
- (11) Shandongsheng dadang. Zhongguo renminbao. 1920nian 4yue 12–28ri (Шаньдунский государственный архив. Народная газета. 12–28 апреля 1920 г.).
- (12) Liu Renfeng. Zhongguo funv baokan yanjiu (Исследования китайских женских печатных изданий). – 2012. – С. 310.
- (13) Шаньдуншен дадан. Zhongguo renmin bao. 1924 nian 1 yue 2ri (Шаньдунский государственный архив. Женская газета. 2 января 1924 год).
- (14) Liu Renfeng. Указ. соч. – С. 313.
- (15) Zhongguo funv yundong: bainian jianshi (История китайского гендера. Столетнее исследование). – Пекин, 2011. – С. 14–17.
- (16) Цит. по: Хань Юйфэн. Исследование живописи женского движения Китая // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – М., 2008. – № 82. – 1. – С. 367.
- (17) Guanyu Zhongguo funv de wenzhang (Сборник статей о женской истории Китая). – Пекин, 2011. – С. 111.
- (18) Zhongguo funv yundong wenxuan. 1938 nian – 1987 nian (Избранные статьи по истории освобождения женщин в Китае. 1938–1987 гг.). – Пекин, 1988. – С. 31.
- (19) Guojia, zuzhi funv: funv jiefang: zhongguo funv jiefang de yunzuo jizhi yanjiu (Государство, организации и женщины: исследования новой системы, возникшей в результате женского движения). – Шанхай, 2012. – С. 53; Zhongguo funv yundong: bainian jianshi (История китайского гендера. Столетнее исследование). – Пекин, 2011. – С. 14–17; Чжунгофуньюньдунвенсюань. 1938 nian – 1987 nian (Избранные статьи по истории освобождения женщин в Китае. 1938–1987 гг.). – Пекин, 1988. – С. 10.
- (20) Коллонтай А.М. Труд женщины в эволюции хозяйства. – М., 1928. – С. 146.
- (21) Там же. – С. 142.
- (22) Guojia, zuzhi funv: funv jiefang: zhongguo funv jiefang de yunzuo jizhi yanjiu (Государство, организации и женщины: исследования новой системы, возникшей в результате женского движения). – Шанхай, 2012. – С. 62.
- (23) Zhongguo funv (Китайские женщины). – Шанхай, 2010. – С. 127.
- (24) Liu Renfeng. Указ. соч. – С. 321
- (25) Liu Xue. Mao Zedong: Mao Zhuxi zaoqi he zhongguo funv jiefang yanjiu (Мао Цзедун: исследования ранних лет председателя и идеологии женского освободительного движения в Китае). – 2004. – № 2. – С. 57.
- (26) Liu Renfeng. Указ. соч. – С. 310.
- (27) Zhongguo funv yundong: bainian jianshi (История китайского гендера. Столетнее исследование). – Пекин, 2011. – С. 33.
- (28) Там же. – С. 47.
- (29) 1949 год: создание Женского союза // Новости Агентства Синьхуа // http://news.xinhuanet.com/politics/2007-11/12/content_7056345.htm

- (30) *Li Zhenzhi. Zhongguo funv yanjiu* (Антология исследований феминистского движения в Китае). – Пекин, 2011. – С. 38.
- (31) *Liu Renfeng*. Цит. соч. – С. 313.
- (32) Там же. – С. 319.
- (33) Словарь гендерных терминов // <http://www.owl.ru/gender/080.htm>
- (34) *Здравомыслова Е., Темкина А.* Гендерное гражданство и советский этактический порядок // Трансформация гендерных отношений: западные теории и российские практики. – Самара, 2003. – С. 29.
- (35) Карнеев А. Мао Цзэдун как часть современной китайской политики // Радио Голос России // http://rus.ruvr.ru/2013_12_26/Mao-Czjedun-kak-chast-sovremennoj-kitajskoj-politiki-FOTO-7840.

**FEATURES OF THE CHINESE WOMEN'S MOVEMENT
IN THE FIRST HALF OF THE XXTH CENTURY:
HISTORIOGRAPHICAL VIEW
OF CONTEMPORARY CHINESE RESEARCHERS**

G.G. Kornoukhova

E.S. Lukovkina

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10–2, Moscow, Russia, 117198

The question about legality of existence existing in Chinese historiography of the provisions of national specificity of the Chinese feminism is determined in this article. The thickening of disclosed features of the Chinese women's stir (confronting with Western European feminism) in source with a list of women's stir features in Soviet Russia in the 1920s and also the Stalinism epoch led to match the identified content. The final result translates «unique» in category «general» typical for gender history of two socialist States in considered period.

Key words: women's movement, women's history, women's studies, Chinese feminism, gender status, Chinese historiography, the PRC.